

Фурсов Валентин Александрович

УЧЕНИЕ ЕПИСКОПА ХРИСАНФА (РЕТИВЦЕВА) О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ МОНОТЕИЗМЕ И РЕЦЕПЦИЯ ДАННОГО УЧЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. С. СОЛОВЬЕВА

В статье рассматриваются учение епископа Хрисанфа (Ретивцева) о прамонотеизме и рецепция данного учения в творчестве В. С. Соловьева. Изучение точки зрения епископа Хрисанфа на возникновение и эволюцию религии позволяет утверждать, что его теория базировалась на достижениях философии и науки о религии того периода, а также обладала творческим потенциалом для дальнейшего исследования и развития. Несмотря на то, что в современном религиоведении теория прамонотеизма признается устаревшей, она представляет интерес как для истории религиоведения, так и для дальнейшего исследования ранних религиозных верований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 192-195. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

отторжения Призрака обществом, которое воспитало в нем ненависть к окружающим. Сначала героиня не хочет задумываться над причинами происходящего, предпочитая отстраниться и обвинить во всем чудовище. Однако в конце она проникается состраданием к жизни Призрака и пытается компенсировать своей жертвой ненависть, отчуждение и одиночество, на которое его обрекли окружающие.

Кристина, как и Призрак, вступает, по сути, в конфликт с обществом, который происходит в сознании героини и проявляется в ее внутреннем противодействии мнению окружающих относительно главного героя. Кристина испытывает чувство вины и одиночества, ей приходится выдерживать давление окружающих и непонимание любимого. Внутреннее сопротивление Кристины доводам разума и очевидным фактам основано на интуитивном восприятии сущности героя, которую общество не хочет видеть, так как она не укладывается в рамки выбранного стереотипа. Все это значительно расширяет художественный образ главной героини, который получает психологическую глубину и психологическую достоверность.

Список литературы

1. Леру Г. Призрак Оперы. М.: Азбука, 2011. 352 с.
2. Федоровская Н. А. Концепция «Музыки Ночи» в мюзикле Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (31). Ч. 1. С. 183-187.
3. Федоровская Н. А. Мюзикл Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы» в конструкциях и концепциях. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. 312 с.
4. Федоровская Н. А. Роль музыкально-риторической фигуры *circulatio* в воплощении образа пенджабского лассо в мюзикле Э. Л. Уэббера «Призрак Оперы» // Музыковедение. 2014. № 5. С. 20-24.
5. Hogle J. E. The Undergrounds of the Phantom of the Opera: Sublimation and the Gothic in Leroux's Novel and Its Progeny. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 368 p.
6. Webber A. L., Hart Ch., Stilgoe R. The Phantom of the Opera (piano-vocal score). Parts I-II. N. Y.: RNH, 2010. 303 p.

PERCEPTION BY CHRISTINE DAAÉ OF THE MAIN CHARACTER IN A. L. WEBBER'S MUSICAL "THE PHANTOM OF THE OPERA"

Fedorovskaya Natal'ya Aleksandrovna, Doctor in Art Criticism, Associate Professor
Far Eastern Federal University
fedorovska@mail.ru

The article deals with the peculiarities of the perception of the main character of A. L. Webber's musical "The Phantom of the Opera" by Christine Daaé, which influence the formation of her artistic image. It is ascertained that the heroine passes a difficult way: from exalted delight through empathy, fear and doubt to hatred, rage, despair and finally to compassion. Perceiving the appearance of the Phantom Christine is in the power of the stereotype of the monster-killer imposed by the society, but in the final she overcomes it opening her heart to compassion, the acceptance of the inner essence of the main character.

Key words and phrases: A. L. Webber; "The Phantom of the Opera"; musical; Christine Daaé; artistic image; conflict between the individual and the society; stereotype of monster-killer.

УДК 2; 141.45

Философские науки

В статье рассматриваются учение епископа Хрисанфа (Ретивцева) о прамоноотеизме и рецепция данного учения в творчестве В. С. Соловьева. Изучение точки зрения епископа Хрисанфа на возникновение и эволюцию религии позволяет утверждать, что его теория базировалась на достижениях философии и науки о религии того периода, а также обладала творческим потенциалом для дальнейшего исследования и развития. Несмотря на то, что в современном религиоведении теория прамоноотеизма признается устаревшей, она представляет интерес как для истории религиоведения, так и для дальнейшего исследования ранних религиозных верований.

Ключевые слова и фразы: епископ Хрисанф; прамоноотеизм; монотеизм; Владимир Соловьев; ранние формы религии; происхождение религии; история религиоведения.

Фурсов Валентин Александрович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
fursov.valentin@yandex.ru

УЧЕНИЕ ЕПИСКОПА ХРИСАНФА (РЕТИВЦЕВА) О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ МОНОТЕИЗМЕ И РЕЦЕПЦИЯ ДАННОГО УЧЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. С. СОЛОВЬЕВА

Епископ Хрисанф (Ретивцев) (1831-1883) [1, с. 146-150] был одним из видных ученых своего времени – талантливый богословом, историком, и в значительной степени философом. Наш современник выдающийся священник и богослов Александр Мень прямо называет епископа Хрисанфа «пионером русского религиоведения».

Необходимость изучения произведений данного автора подтверждается тем, что в настоящее время в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (Москва) разработан проект комментированного переиздания уникального исторического наследия епископа Хрисанфа в связи с его малоизученностью в современной науке.

В данной работе мы рассмотрим взгляды Владыки Хрисанфа на раннюю историю религии, а также взаимосвязь его работ с творчеством В. С. Соловьева. В этом смысле считаем важным обратиться к основному историко-богословскому труду его жизни «Религии древнего мира и их отношение к христианству: Историческое исследование», в котором мы видим, что он был сторонником теории прамонотеизма, как он говорил, «первобытного истинного монотеизма» [5, с. 45].

За лежащим на поверхности политезму исследователи находят очевидные следы монотеизма. Преимущественно с критических позиций выступают здесь и российские религиозные философы. В. С. Соловьев анализирует анимистическую теорию и теорию т.н. аниматизма, авторами которых были Г. Спенсер и Э. Тэйлор. Этой же теории следует и епископ Хрисанф.

Прежде чем говорить об учении епископа Хрисанфа о прамонотеизме как первоначальной форме религии, необходимо хотя бы в общих чертах обозначить историю возникновения и разработки данной теории, а также указать основные положения, отражающие ее суть. Впервые теория прамонотеизма была сформулирована Э. Лэнгом (1844-1912) в книге «Становление религии» / «The Making of Religion» (1898) [6], в которой он исследовал в числе прочего эволюцию идеи Бога у т.н. «диких» / *savage* народов. В дальнейшем указанная теория была систематически изложена в труде В. Шмидта (1868-1954) «Происхождение идеи Бога» / «Der Ursprung der Gottesidee», в 12-ти т., (1912-1955) [7]. Основная идея этой теории такова: несмотря на многообразие верований и их кажущуюся несхожесть, во всех религиях обнаруживаются следы веры в единого Бога, причем корни этой веры уходят в глубокую древность. Таким образом, изначальный монотеизм предшествует всем существующим формам религии и является их базисом.

Особое внимание сторонники теории прамонотеизма уделяли религиозным представлениям народов Африки, Австралии и Океании, поскольку последние представляли ранние формы религии и, по их мнению, должны были сохранить черты изначального единобожия в большей мере, нежели развитые религии. Как правило, исследователи принимали за сохранившиеся элементы прамонотеизма учения о небесных богах, которые сотворили мир, однако не принимают участие в его судьбе, покинув его (ср. с концепцией *deus otiosus*). Причем их внимание привлекало то, что данные боги, несмотря на высокое положение в иерархии, почти никогда не имели развитого культа [2]. Причину появления последующих форм религии (в частности, политеизма) сторонники теории прамонотеизма видели в дегенерации изначального монотеизма [7], его искажении и упрощении.

В начале труда «Религии Древнего Мира в их отношении к христианству» епископ Хрисанф ставит вопрос о происхождении древних форм религии и, таким образом, обращается к проблеме ее первоначального состояния. По его мнению, единственные указания на изначальную религию содержатся в книгах Ветхого Завета: «оно говорит нам, что языческий политеизм есть уклонение от первоначальной, истинной религии, которая была почитанием единого истинного Бога» [5, с. 29].

Анализируя философские концепции происхождения религии, существовавшие в античной (Евгемер) и европейской философии (Д. Юм, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, Л. Фейербах, О. Конт), епископ Хрисанф отмечает, что они базируются на пантеистическом или материалистическом мировоззрении, поскольку в рамках данных концепций изначальная форма религии считается неразвитой, дикой и примитивной. В рамках материалистического мировоззрения это объясняется постепенной эволюцией человеческого сознания из животного состояния, в рамках пантеистических взглядов – раскрытием абсолютной идеи, которая развивается в сторону большего совершенства и достигает в человеке своего самосознания. Общая черта двух этих мировоззренческих систем – низведение человека в его исходном состоянии до уровня животного, отказ от признания разумной жизни как неотъемлемой черты человеческого бытия. И епископ Хрисанф не может согласиться с этой точкой зрения, так как она прямо противоречит библейской идее сотворения человека.

Положение о политеизме как о необходимом этапе развития религии (промежуточном между ранними формами религии, например, фетишизмом и монотеизмом) епископ Хрисанф опровергает фактом существования монотеистической древнееврейской религии. Этот случай исключителен и единичен в истории, причем ему нельзя найти объяснение в рамках теорий происхождения религии, изложенных выше [Там же, с. 48].

Епископ Хрисанф отказывается от идеи поступательного развития религии от низших форм к высшим и постулирует существование прамонотеизма как первой, исходной и единственно истинной формы религии. Следы прамонотеизма можно найти практически во всех политеистических религиозных системах, причем искать элементы первоначальной религии следует в ранних и неразвитых формах многобожия. Автор предостерегает читателя от ошибки отождествления изначального учения о едином Боге и некоторых культов верховных божеств, свойственных развитому политеизму (таких как персидский Зрван Акрана, египетский Амон и т.п.), поскольку последние представляют собой результат поздних нововведений и никак не связаны с прамонотеизмом. Сохранившиеся отголоски первоначальной религии следует искать в наиболее простых формах политеизма, причем, как правило, они проявляются в представлениях о небесном Боге, Творце и всеобщем Отце, которому, однако, не посвящены особые обряды и ритуалы, поскольку он практически не участвует в судьбах мира [Там же, с. 54-55].

В ходе рассуждений епископ Хрисанф приходит к следующему выводу: «в основе религиозных проявлений, очевидно, не может лежать безрелигиозное начало, а религиозное начало предполагает особый религиозный инстинкт или особое религиозное стремление, которое уже в самом начале своих обнаружений должно

проявить себя соответственным ему образом. Вот почему с точки зрения психологической также требуется, чтобы история религии открылась проявлениями чисто религиозного характера, т.е. верой в Бога, а не поклонением природе. Истина в религии должна существовать прежде лжи и заблуждения, как положение существует прежде отрицания» [Там же, с. 64-65]. Существующие политеистические религиозные системы представляют собой продукт деградации, дегенерации изначального прамонотеизма. Однако история религий не может быть объяснена с помощью концепций линейного прогресса или регресса – данный процесс представляется намного более сложным и неоднородным [Там же, с. 68].

Для того чтобы обосновать свою точку зрения на процесс изменения религий, епископ Хрисанф обращается к библейскому учению о первоначальном человеке: «первый человек был совершенством сравнительно с последующими родами, но его совершенство несколько не исключало возможности дальнейшего развития, но, наоборот, требовало этого развития.

Это совершенство состояло в чистоте и свежести расположений и стремлений человеческого духа, обращенных к Первоисточнику всякого совершенства, в гармоническом обнаружении духовных сил, устремленных к Богу» [Там же, с. 66-67]. Таким образом, совершенство человека не предполагало абсолютной полноты знания, однако обеспечивало человеческому сознанию целостность: «это был ум, все возводивший к Богу и все видевший в этом верховном начале всякой жизни» [Там же, с. 67]. Грехопадение, исказившее природу человека, лишило его сознание целостности и, соответственно, отняло у него возможность восприятия Бога как духовного начала. Однако познавательная способность человека сохранилась в искаженном виде, вследствие чего «отпавший от Бога человеческий дух, впоследствии, спустя много поколений, естественно, остановился на видимой природе и себе самом» [Там же, с. 68]. Однако устремленность к Богу, называемая епископом Хрисанфом «религиозным инстинктом», не исчезла, но получила ложное направление.

Еще один вопрос, требующий рассмотрения, – это вопрос о статусе язычества (политеистических религиозных систем). Епископ Хрисанф, полемизируя с рядом протестантских богословов, отказывается от восприятия первоначального состояния человека как состояния неразвитого и детского, в котором он мог познавать только наглядные чувственные объекты. Вследствие этого поклонение природе, составляющее суть политеизма, нельзя признать необходимым явлением религиозной жизни.

Многообразие политеистических культов объясняется тем, что направленное на природу религиозное сознание «подпало под влияние естественных условий развития, стало в зависимость и от характера местной природы и других условных исторических причин» [Там же, с. 71]. Под действием исторического процесса религиозные взгляды усложнялись, что вызывало окончательную деформацию и вытеснение сохраняющихся элементов прамонотеизма.

Идеи епископа Хрисанфа о прамонотеизме как первоначальной форме религии были восприняты В. С. Соловьевым и нашли отражение в его статье «Мифологический процесс в древнем язычестве», изданной в журнале «Православное обозрение» (№ 11) в 1873 г. [4, с. 29].

Знакомство В. С. Соловьева с трудами епископа Хрисанфа подтверждается как прямой ссылкой на книгу «Религии древнего мира и их отношение к христианству», так и соответствующим упоминанием в переписке Л. Н. Толстого [3].

В этой статье В. С. Соловьев, опираясь на идеи Ф. Шеллинга и А. С. Хомякова, осмысляет и модифицирует концепцию происхождения религии, представленную в трудах епископа Хрисанфа. В качестве базиса своей методологии В. С. Соловьев использует понятие действительного мифологического (теогонического) процесса Шеллинга, «субъективного, лишь поскольку он происходит в человеческом сознании, но вполне объективного и независимого от сознания по своему содержанию и по определяющим его началам» [4, с. 19]. Из учения А. С. Хомякова автор заимствует разделение религий на религию свободно-творческого духа (т.н. *уранство*) и религию органической жизненной необходимости (т.н. *кушитство*), однако подвергает эту идею существенной переработке, признавая религией свободного духа (являющейся по своей сути монотеистической) только религию древних израильтян, а также изначальную религию, существовавшую до возникновения многобожия.

Рассмотрение истоков религиозного процесса В. С. Соловьев начинает с анализа Ригведы – литературного памятника, по его мнению, в большей мере сохранившего черты изначальной религии в силу своей древности. Проанализировав ведические гимны, в частности, посвященные Варуне, автор приходит к выводу, что религией древних ариев, предшествовавшей ведической религии, был монотеизм. Причину трансформации изначального монотеизма В. С. Соловьев видит в непреодолимости пропасти между человеком и Богом, которая образовалась вследствие грехопадения; речь в данном случае идет не о каком-либо личном грехе, а о грехе всеобщем и не зависящем от действий конкретного индивида: «действительность греха несомненна для него [автора гимна] по своим фактическим последствиям, но самый грех лежит за пределами его настоящего, эмпирического сознания» [Там же, с. 24].

Вследствие принципиальной недоступности Бога для человека истинная религия, которую В. С. Соловьев определяет как «свободное нравственное отношение, внутреннее единство человека с богом» [Там же], становится невозможной. Однако религиозная интенция не исчезает, а трансформируется: «недоступное внутренне, божество становится познаваемым только в своем внешнем действии, или *проявлении*, – в видимом мире, так что это внешнее проявление становится *необходимостью* для религиозного сознания, которое должно мыслить божество необходимо проявляющимся вовне, ибо без этого внешнего проявления божество совсем исчезает для сознания в данном его состоянии» [Там же]. Дальнейшее развертывание мифологического процесса выстраивается В. С. Соловьевым в соответствии с философской методологией Ф. Шеллинга и непосредственно связано с теорией отчуждения, развитой в немецкой классической философии. Невозможность восприятия единого Бога с необходимостью приводит к первой объективации Божества, созданию

«своего другого», в качестве которого выступает женское божество (всеобщая мать). Богиня-мать, представляющая собой материальное начало, оформленное Богом (духовным началом), являет собой природу как объект почитания и поклонения (таким образом, это не чистая возможность, а возможность проявленная, объективированная). На этом этапе опредмечивание Божественной идеи не останавливается, и в результате перехода от неопределенно-однородного к разнообразно-определенному возникает множество божеств, составляющих языческий пантеон. В. С. Соловьев выделяет три этапа мифологического процесса: 1) уранический (в котором духовное божество, определенное материальным началом, все еще сохраняет единство и преобладание); 2) солярный (в котором духовное божество становится страдательным, подчиняясь закону внешнего проявления); 3) фаллический (в котором духовное божество окончательно «нисходит» на землю, сливаясь с материальной природой) [Там же, с. 28-36].

Таким образом можно сказать, что учение епископа Хрисанфа о прамотеизме вполне соответствовало аналогичным западным учениям, базировалось на достижениях философии и науки о религии того периода, а также обладало творческим потенциалом для дальнейшего исследования и развития, что мы и видим в трудах В. С. Соловьева.

Список литературы

1. Матисон А. В. Духовенство Тверской епархии XVIII – начала XX веков: родословные росписи. СПб.: ВИРД, 2004. Вып. 3. 202 с.
2. Мень А. В. История религий: в 7-ми т. М.: Слово, 1991. Т. 1. Истоки религии. 287 с.
3. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870-1894: в 2-х т. СПб.: О-во Толстовского музея, 1914. Т. 2. 478 с.
4. Соловьев В. С. Мифологический процесс в древнем язычестве // Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. СПб., 1911. Т. 1. 421 с.
5. Хрисанф (Ретивцев), архим. Религии древнего мира и их отношение к христианству: историческое исследование: в 3-х т. СПб., 1872. Т. 1. 481 с.
6. Lang A. The Making of Religion. L.: Longmans; Green and Co., 1909. 396 p.
7. Schmidt W. Der Ursprung der Gottesidee: eine historisch-kritische und positive Studie. Münster: Aschendorff, 1912-1955.
8. Zwemer S. M. The Origin of Religion: Evolution or Revelation. N. Y.: Loizeaux Brothers, 1945. 256 p.

BISHOP CHRISANF (RETIVTSEV)'S DOCTRINE ON PRIMEVAL MONOTHEISM AND RECEPTION OF THIS DOCTRINE IN V. S. SOLOVYEV'S CREATIVE WORK

Fursov Valentin Aleksandrovich
Lomonosov Moscow State University
fursov.valentin@yandex.ru

The article examines bishop Khrisanf (Retivtsev)'s doctrine on primeval monotheism and the reception of this doctrine in V. S. Solovyev's creative work. Studying bishop Khrisanf's view on the origin and evolution of religion allows concluding that his theory was based on the achievements of philosophy and religious studies of that period and had a creative potential for further research and development. In spite of the fact that in modern religious studies primeval monotheism theory is considered to be outdated, it is of interest both for the history of religious studies and for the further research of early religious beliefs.

Key words and phrases: bishop Khrisanf; primeval monotheism; monotheism; Vladimir Solovyev; early forms of religion; origin of religion; history of religious studies.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются различные аспекты деятельности детских домов, функционировавших на территории Башкирской АССР в 30-е гг. XX в. Большое внимание уделяется недостаткам и трудностям в процессе учебной и воспитательной деятельности данных учреждений, имевшим как объективный, так и субъективный характер. В то же время подчеркивается важная роль школьных детдомов в борьбе с беспризорностью, особенно в плане образовательной и профессионально-трудовой подготовки воспитанников.

Ключевые слова и фразы: детские дома; дети, оставшиеся без попечения родителей; воспитанники детских домов; беспризорные; Наркомпрос; Наркомздрав; Наркомсобес.

Хамадеева Рита Хурматулловна, к. филос. н.
Большакова Наталья Леонидовна
Башкирский государственный университет
BolshakovaNL@mail.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ ДОМОВ В БАШКИРИИ В 30-Е ГГ. XX ВЕКА

В 1930-е гг. начинается очередной этап в развитии безнадзорности и беспризорности. Он был связан со многими факторами: раскулачиванием и ссылкой кулаков и их семей, управленческими и партийными